

Бонни привела кучку выживших после налёта сторонников Луи Максвелла к небольшому кирпичному одноэтажному зданию посреди мёртвого села. Хотя какое там было село на самом деле? Одна гниющая труха и развалины, драные, покосившиеся домишки, растрескавшиеся заборы, бурьян и борщевик, раскинувшийся повсюду на месте полей колхозных, сплошная безнадёга и уныние... Особенно выделялся остов обвалившейся часовни, которая закончила свои дни в виде склада для щебня - советская власть не терпела малинового звона, а новая просто не заметила. Словно могильным крестом над прахом мёртвого стояла деревянная одинокая опора линий электропередач, наклонившаяся, аки знаменитая Пизанская башня. Кто мог, тот уехал оттуда в Оренбург, в Москву, а может - и за границу, кто не мог - спился, помер своей смертью, удавился или угодил в тюрьму. Может быть, когда-то это место было людным и очаровательным, но таперича из всего населения, помимо анимационного кадавра-пилигрима Тони и его двух таких же мультяшных подружек, там оставалась лишь одинокая дряхлая, скрючившаяся и немощная старуха, которую звали Прасковья. Она уже чрезмерно зажила на этом свете: ей было уже сто два года. Такой божий одуванчик, клонящийся к земле, вряд ли будет стучать Реалистам, не зная даже слова такого, и увидев своими полуслепыми присыпанными вековым пеплом, нажитым в сей юдоли страданий, зенками Тони, Бонни и Эрику, вздохнёт тяжело, перекрестившись своей дрожащей рукой и оперевшись другой на клюку:

-Ангелы небесные! Что же вы не берёте дух мой в свои руки белые? Тяжко мне, тяжело...

Правда, тяжело жить, когда всё вокруг мертво. И когда ты такая же рухлядь, точно такая же рухлядь и прах. Она уже примирилась со всем.

Когда-то тут, в этом здании, находился клуб. К сожалению, не ночной. Вообще, клубов в Советском Союзе было полно: авиамоделистов, любителей собак, юных фотографов, туристов... А вот ночных, как секса, в те далёкие годы не было. Были, конечно, танцплощадки и иногда на них даже играл запретный рок-н-ролл, но в них, как бы сказал автор рецепта "Слезы комсомолки", пьяница Венечка, ехавший из Москвы в Петушки был известный каприз, но не было ни пафоса, ни уж тем более метафизического намёка. Раньше там заседал клуб радиолюбителей.

Когда-то там общались люди, которые обменивались журналами, чертежами схем, паяли резисторы, пили сначала "Байкал" с уже забытым тенью веков ароматом и вкусом, а потом противный "Солнцедар", или как его называли в народе, "бормотуху".

Но в тот момент, когда магнитофоны фирм "Панасоник" и "Филипс" перестали быть предметом роскоши, а то и вовсе дарились вместо зарплаты, которую то и дело задерживали под разными предлогами, радиолюбители поначалу обрадовались, предвкушая поток транзисторов и схем для своей работы, но потом выяснилось, что с их сферой деятельности прекрасно справлялись китайцы, хоть у них и получалось хуже, чем у людей, вкладывавших в свои изделия душу. А уж сейчас, когда Поднебесная стала сверхдержавой, которая может себе позволить специально строить на своей территории города-призраки вместо того, чтобы терпеливо ждать, пока опустеет Детройт или Припять, в потугах радиолюбителей нет смысла уже никакого.

Окончательно радиолюбительство убил естественный и логичный переход на "цифру" всего, что надо и не надо. Падкая на новинки молодёжь, которая могла бы пополнить эти стройные

ряды, занялась написанием индусского кода, майнингом криптовалюты, вознёй с 3D-принтерами и робототехникой. Но этот кружок не дожил до того рокового дня, закрывшись ещё в девяностые. Впоследствии в этом здании сначала располагался "кинозал" с кассетным видеомagneтофоном марки "Самсунг", который очень быстро постигла та же участь, что и кружок радиолюбителей. После некоторого запустения там открылось сельпо, в котором продавали местным алкашам водку, но шесть лет назад там случился пожар, и хоть здание и уцелело, но больше никто не рисковал там открывать своего дела. Да и некому уже было. Голую кирпичную стену некогда украшал плакат: "Трудовое красное знамя", но его уже сорвали. Даже граффити, даже простейшую сакральную надпись из трёх букв никто не решался написать в этом голом поле. Пока был более-менее ценный хабар в округе, сюда иногда запрыгивали сталкеры, но и он исчерпался.

И вот, это местечко попало в поле зрения Тони, Бонни и Эрики, искавших себе свободное жильё.

"Реалисты, конечно, жестоки, но они не настолько тупы, чтобы бомбить это гнильё" - подумали они и обжились здесь. Конечно, это не Торонто, но на безрыбье и гнилое село раком.

Некоторую, конечно, реставрацию пилигримы таки провели: во всяком случае, заменили стёкла и купили новый ковёр, а также вырыли яму и установили туалет типа "сортир", но всё равно до цивилизованной жизни им было как до Луны пешком.

-Заходи. - сказал Тони Стерео.

-Мир вашему дому. - заявил нёсший ящики с апельсинами и деревца в горшках Стерео и сказал:

-Интересно, а если попробовать здесь организовать ночной клуб? - сказал чебур, переступая через порог здания. Половица под любителем цитрусов подло скрипнула.

-Слушай, а где мы жить-то будем? - спросила его Эрика, поставив на место ушастого паренька, который уже распластался во влажных мечтах о гурте золотой молодёжи, что будет прожигать в глухом селе жизнь, тусуясь тут.

-Ой-ой. Извините. - сказал Стерео.

-Но всё-таки эта идея интересная. - сказала Бонни. - Мне нравится.

-Ладно. Потом подумаем. - сказал Тони.

-Ага...

Обстановка, в которой жили мультяшки расы пилигримов, была скромной, если не сказать -

нищевродской. Даже мебели приличной не было: всё, что было в доме, поели беспощадное время, наглый короед и голодная моль. Даже шторы были порваны в нескольких местах. Твёрдо разве что стояла печь меж стенами, чудом пережившая пожар. На потолке трёхмерный паук бесовестно свил свою громадную паутину.

-Ну, как ты видишь, у нас хреново всё. - откровенно произнесла Бонни, совершенно не скрывая.
- Ставь апельсины.

-Есть чё-нибудь пожрать у вас? - спросил Стерео, поставив ящики с апельсинами.

-Апельсины пока пожуй, а я поищу.

-Ты понимаешь, дура, что если я их наемся, я совсем невменяемым стану?!- сказал Стерео.

Порывшись у себя за спиной(именно там, по версии британских учёных, находился свойственный всем анимационным кадаврам орган, ласково названный "хаммерспейс", а некая Полли Купер даже разместила его в заднице), Бонни достала "Доширак". Лапша быстрого приготовления была весьма вкусной, особенно после дороги.

Солнце зашло за горизонт: раскинулась тьма, пересекаемая ловким лунным лучом. День, отмеченный жестокой бойней, закончился. Настали блаженство и покой.

Стерео, накурившись перед сном своих фирменных сушёных апельсиновых корок на пороге бывшего клуба радиолюбителей, разлёгся на рваном диване и заснул. В соседней комнате слышался скрип кушетки и эротичные стоны Бонни- парень-пилигрим Тони и две его подружки устроили жаркий тройничок - Тони лежал, пока Бонни скакала на его кожаном мотоцикле, а Эрика сидела у него на лице, а её ягодички щекотали буйные кудри юноши, но "чебурашке" было наплевать. Ему снился экзотичный Марракеш, пряности и верблюды... А ещё ему снилась усеянная острыми зубами ласковая пасть мультяшки-геноморфа. А потом - новый клуб... Когда война уйдёт, он сможет осуществить свою мечту о строительстве нового, более совершенного вертепа порока.

<http://tl.rulate.ru/book/66622/1821174>